

3.2000.

Рос. муз. газета. — 2000. — № 3 — с. 6

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Рахманинов и дети Шляпина

(Окончание.
Начало в № 11)

Во время гастрольных поездок за границей Рахманинов и Шляпин обычно находились в разных городах и странах и не имели возможности встречаться. Однако после завершения концертного сезона оба вновь оказывались в Париже, и Рахманинов приходил к другу в его дом на авеню д'Эйло. Здесь он мог наблюдать, как подрастает младшее поколение детей Федора Ивановича — его дочери Марфа, Марина и Дасия. Однажды в 1929 году Рахманинов слушал игру восьмилетней Дасии на фортепиано. В ее же памяти осталась только походка Рахманинова, чем-то напоминавшая ей мышь.

Других свидетелей о встречах или контактах с детьми Федора Ивановича и Марии Валентиновны не было. Тем неожиданнее показались два письма Рахманинова Марине Шляпиной 1934 года, подаренные ею Музею в 1996 году. Они подтверждают, что Сергей Васильевич был осведомлен о младших детях друга (Федор Иванович рассказывал о них ему во время визитов на дачу в Клерфонтене и на виллу Се-

нар) и что он был чуток к чужому горю.

Узнав о болезни Марины и о ее лечении в туберкулезном санатории в Давосе (рецидив болезни 1921 года), Рахманинов посылает ей 12 сентября из Сенара письмо, чтобы приободрить ее. Тон письма прост и искренен. Первое же обращение "miss Russia" вызвало приятные воспоминания. Так называли Марину в семье после победы на конкурсе красоты в Париже, когда девятнадцатилетняя девушка была избрана "Мисс Россией" на 1931 год. В то же время в тексте письма присутствует ненавязчивый рахманиновский юмор (шутка насчет поездки в Сиам). Приписка в конце говорит о том, что 15 сентября Рахманинов с женой покидают Сенар, чтобы через месяц начать концертный сезон в Америке.

"Моя милая miss Russia, что же это с тобой приключилось? Что это за катар в легком и сколько тебе предстоит жить в Sanatorium? Пишу тебе только для того, чтобы сказать, что очень тебя жалею и от души желаю скорого выздоровления. А как выздоровеешь, направимся в Сиам. Об-

нимаю! Твой С. Р. 15-го уезжаю в Париж".

Второе письмо является ответом на письмо Марины из санатория, где она проведет в общей сложности около восьми месяцев. Письмо примечательно тем, что написано в день нью-йоркской премьеры "Рапсодии на тему Паганини" (27 декабря 1934 года) с участием автора и оркестра Нью-Йоркской филармонии под управлением Б. Вальтера.

"Милая моя Мариночка, очень ты меня обрадовала своим письмом и известием, что тебе лучше. Жалко, что ты не пишешь, куда ты поедешь через полтора месяца. В конце января и в конце марта я буду в Париже. Увижу ли я тебя там? 11 января уезжаю отсюда в Европу. Целую и кланяюсь! С. Рахманинов".

В последние годы жизни Рахманинова определенное место в его окружении занял Федор Шляпин-младший. Еще весной 1930 года в парижской мастерской Бориса Шляпина Федор встретился с Рахманиновым после тринадцатилетнего перерыва. За это время Федор попробовал себя на актерском поприще, успев поработать на киностудиях Америки, Канады и Германии. Тогда же, в мастерской, он получил приглашение в Клерфонтен, где с Борисом они демонстрировали виртуозные способности веселить, развлекать, дурачить и все такое прочее.

В компании молодежи Федор удачно разыгрывал барышень, подруги Ирины и Татьяны, прикидывался влюбленным чуть ли не во всех сразу; за обеденным столом нес невообразимую чепуху, вызывая соответствующую реакцию у присутствующих. Все это делалось с тайного согласия Сергея Васильевича. Главное же занятие — съемки небольших игровых фильмов с участием Федора и Бориса Шляпиных, Натальи Александровны в качестве оператора и Сергея Васильевича в качестве "продюсера". В результате "испытания" Федор был принят в рахманиновский клан.

После окончательного переезда Федора в Америку в 1935 году встречи с Рахма-

ниновым возобновились. Их общению способствовали два обстоятельства — интерес Рахманинова к Калифорнии и присутствие там, в Голливуде, актера Федора Шляпина. Начиная с 1937 года Рахманинов постоянно бывал с концертами в Лос-Анджелесе и его окрестностях и проводил там несколько недель в году, обычно в январе — феврале. Федор неотлучно сопровождал его и Наталью Александровну. У него даже появилась обязанность — стричь Сергея Васильевича наголо. Он же познакомил Рахманинова с русскими обитателями Голливуда — режиссерами, актерами, художниками. Так завязались дружеские отношения с Г. Ратовым и его женой, супругами Тамировыми, Л. Булаковым, С. Бертенсоном, художником Ре-ми и другими. Эта среда стала настолько привлекательной для композитора, что лето 1942 года Рахманинов провел здесь на снятой для него Бертенсоном даче, и тем же летом купил себе дом в Лос-Анджелесе в районе Беверли-Хилс.

Общение с Федором, видимо, доставляло Рахманинову удовольствие, и он по-отцовски привязался к нему. На следующий год после смерти отца Федор обратился к Рахманинову с просьбой. В связи с приездом в Америку Марии Валентиновны он просил Сергея Васильевича быть посредником в переговорах между ней и детьми Федора Ивановича от первого брака по поводу наследства. И получил в ответ письмо¹⁾ от 20 ноября 1939 года такого содержания:

"Милый Федя! Письмо Ваше получил, но, к сожалению, исполнить Вашу просьбу считаю неудобным. М. В. справедливо укажет мне, что вы все наследники великовозрастные и можете вести свои дела без посредников. Кажется, Ваша сестра²⁾ здесь, в Нью-Йорке. Почему она не разговаривает с М. В.? Боюсь только одного, что ваши невыясненные отношения будут тянуться долго, и причина этому — решительность, с одной стороны, и полная нерешительность, с другой. Надеюсь увидеть Вас в январе³⁾. С. Р".

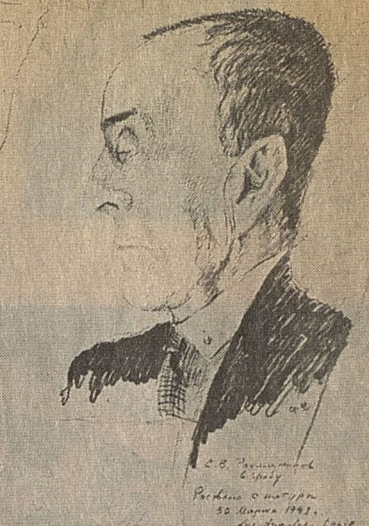
Когда в феврале 1943 года Рахманинов вынужден был прервать гастроль и смертельно больной выехал из Нового Орлеана в Лос-Анджелес, Наталья Александровна оповестила Федора телеграммой. Он встретил Сергея Васильевича на вокзале и весь последний месяц навещал его. В какой-то момент его единственным из друзей и знакомых стали допускать к Рахманинову. Незадолго до кончины он в последний раз постриг Сергея Васильевича, а когда трагический момент наступил, он сделал последний рисунок с умершего. Ранним утром 30 марта 1943 года Федор Шляпин пришел в церковь иконы Божией Матери "Взыскание погибших", что на окраине Лос-Анджелеса, имея желание запечатлеть облик дорогого ему человека, и при свете одинокой лампочки зарисовал лежащего в гробу Рахманинова. Этот рисунок в 1986 году Ф. Ф. Шляпин передал в Музей музыкальной культуры.

Алексей НАУМОВ.

На снимках:

1. М. Ф. Шляпина передает Генеральному директору Музея А. Д. Панюшкину письма С. В. Рахманинова.
2. С. В. Рахманинов в гробу. Рисунок Ф. Ф. Шляпина. 1943 год.

1. Письмо хранится в ЦГТМ имени А. А. Бахрушина.
2. Сестра — Лидия Шляпина. 3. 25 и 26 января 1939 года в расписании гастролей Рахманинова стояли концерты в Голливуде.

В мае 1979 года Ф. Ф. Шляпин был гостем музея и много рассказывал о себе. Директор Екатерина Николаевна Алексеева спросила его: "А какая ваша любимая роль в кино?" Вот что донесла до нас старая магнитофонная лента. Сохранил ее в фонде Сергей Стрижевский, переписал на компакт-диск звукоинженер Александр Косов, расшифровала рассказ Ирина Медведева. Текст приводится с некоторой литературной правкой.

Думаете, Голливуд серьезное кино? Вовсе нет, там никто не творит и никаких любимых ролей у актеров нет. Вы играете то, что предлагают. Но курьезы кинематографические бывают. Они же там, в Америке, грима не знают, актеры сами гримироваться не умеют. А я с детства смотрел, как гримировался отец, знаю, какой материал использовать, немножко рисую, и это мне помогает.

А курьез был такой. В Голливуде никак не могли найти актера на роль Паганини. Тогда Аким Тамиров посоветовал: "Позовите Шляпина, он сделает эту роль". Пришел я, продюсеры посмотрели: ну ничего общего с Паганини нет! Говорю: "можно загримироваться", а мне не верят, потому что грима не понимают.

Я сказал: "Контракта мне не надо, из озорства докажу, что это возможно. Дайте мне разрешение в костюмерную и к Макс Фак-

НОВОСТИ СО СТАРОЙ ЛЕНТЫ:

Как Федор Шляпин-младший роль Паганини в кино играл

ру (это такая гримировальная фирма). Потом приду и покажусь". В костюмерной нашли костюм, а у Макса Фактора готового ничего нет. Из какого-то женского паричка мне сделали волосы, соорудили мы нос и морщины. Когда я вернулся, они обалдели. Сейчас же со мной контракт подписали и спрашивают: "А на скрипке играть умеете?" "Нет". Ой-ой, скандал! "Боже ты мой, уже все подписали, а на скрипке играть не умеете!". Я говорю: "Не беспокойтесь, и на скрипке буду играть". Не поверили. А у меня приятель был, Дания Карпиловский — замечательный скрипач, в одном классе с Яшей Хейфецем учился. У него и Страдивари был, и Гварнери — четыре скрипки чудных. Пошел к нему: "Учи играть на скрипке". В фильме должна была звучать пьеса Паганини "Perpetuum mobile". Это довольно легкая вещь, чтобы обманывать, пальцы быстро бегут, и не поймешь, что актер играет.

Дания мне объяснил, что Паганини стоял не так, как теперь скрипачи стоят, а упершись локтем в бок. Почему он так держал скрипку? Кто знает. Конечно, потом он ее поднимал, но фигура странная казалась. В Голливуде мне дали диск, и мы с Даней все выучили пальцами и руками. Он говорил: "вот тут ты опускаешь руку, вот тут поднимаешь, вот тут делаешь так". И я настолько хорошо все выучил, что если поставить граммофон и меня рядом, складывается впечатление, что это я играю.

Они очень боялись, что съемки будут длиться без конца, пока мы не совместим звук и движение. Оказывается, у них уже было недоразумение, когда на роль композитора Листа взяли человека совсем немusыкального. В фильме он должен был играть Рапсодию. Это легко — "трам-трам-м-м, трам-трам-м-м", — надо только, чтобы голова моталась, потому что рук не видно. Он и этого

не мог сделать, его под роялем каждый раз толкали. Вот они и думали, что если с роялем много времени потеряли, так уж со скрипкой совсем погибнут. И оставили эту сцену напоследок. Я сказал: "Не волнуйтесь, ничего мне не говорите, не советуйте, снимайте". И вот прозвучал сигнал — четыре удара и... та-ра-ра-ра, та-ра-ра-ра, та-ра-ра-ра... Все затихло, и я сразу же "сыграл", потому что дома делал это уже сто раз.

Когда закончил, такой крик поднялся, как будто не я играл, а Паганини. Все аплодировали, а я говорю: "Сейчас второй раз еще лучше сделаю". "Нет, нет, не надо!". Может быть, они решили, меня Господь Бог осенил.

Вот и выходит, это не любимая роль, а курьез. Я видел его скрипку Гварнери, она в Генуе стоит в стене, в стеклянном шкафу. Раньше на ней не играли, теперь каждый год играют. Струны, конечно, не оригинальные, прежние — из жил — высохли и погибли. Струны сделали новые, но скрипка — целиком Гварнери. Ее можно повертеть, чтобы увидеть, как сделана. А вот Миша Эльман предпочитал Гварнери, так же как и Паганини. В старину скрипки делали, как сапоги тачали, в каждом городе было два-три скрипичных мастера — ремесло! У Паганини было пятнадцать лучших скрипок, и Амати в том числе, а играл он только на Гварнери...